БИБЛІОТЕКА ГРАЖДАНИНА.

BE312
P916

№ 2.

Н. Е. Румянцевъ.

КАКЪ ЖИВЕТЪ ГЕРМАНІЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ И ЧѢМЪ ОНА СИЛЬНА?

(По личнымъ воспоминаніямъ гражданскаго военноплѣннаго).

Цѣна 50 коп.

МОСКВА.—1917.

23

БИБЛІОТЕКА ГРАЖДАНИНА.

№ 2.

Н. Е. Румянцевъ.

КАКЪ ЖИВЕТЪ ГЕРМАНІЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ И ЧѢМЪ ОНА СИЛЬНА?

(По личнымъ воспоминаніямъ гражданскаго военноплѣннаго).

МОСКВА.
Типографія Т-ва „ЗАДРУГА“ Воздвиженка, Крестовоздвиженскій п., д. 9.
1917.

1987
П

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2009

ВЕ312 р
Р916

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
ПРИ Ц.К. В.К.П.(б)

187
36

230087

Предисловіе.

Всемірную войну—эту бойню народовъ,—уничтожающую лучшіе и наиболѣе здоровые элементы человѣчества, разоряющую цѣлыя страны экономически и угрожающую существованію и развитію самой европейской культуры, необходимо кончать какъ можно скорѣе. Но окончаніе войны, какъ это бываетъ во всякой борьбѣ, зависитъ отъ того изъ воюющихъ, который оказывается болѣе сильнымъ, побѣждающимъ другихъ.

Въ настоящей войнѣ такой стороной является Германія. Она вполнѣ завоевала Бельгію, Сербію, Черногорію, заняла почти всю Румынію, захватила громадныя пространства Россіи и отрѣзала лучшіе и наиболѣе плодородные департаменты Франціи. Согласна-ли она на миръ?

Изъ своего 33-хъ мѣсячнаго пребыванія въ Германіи, въ качествѣ гражданско-плѣннаго, я, вращаясь въ разныхъ кругахъ общества и читая газеты всѣхъ направленій, вынесъ такое убѣжденіе, что Германія истощена и обезсилена до самой послѣдней степени. Она жаждетъ мира, особенно передъ угрожающимъ лицомъ надвигающагося голода, болѣе, чѣмъ другія воюющія страны, но все-таки приметъ она только такой миръ, который признаетъ ее побѣдительницей и позволитъ ей диктовать условія, обезпечитъ ея господство на міровомъ рынкѣ, расширитъ ея границы и вознаградитъ ее за пролитую кровь и вызванные войной расходы. Таково мнѣніе *большинства* нѣмецкаго народа, правительства и

всѣхъ тѣхъ партій, которыя фактически держатъ въ своихъ рукахъ власть и оказываютъ вліяніе на направленіе внутренней и внѣшней политики. Несомнѣнно, что Германія будетъ воевать до тѣхъ поръ, пока въ военныхъ кругахъ и въ народѣ не исчезнетъ вѣра въ возможность рѣшенія мірового спора съ оружіемъ въ рукахъ. До тѣхъ поръ, пока это убѣжденіе существуетъ—а оно еще очень сильно—нѣмцы не пойдутъ ни на какія уступки и не согласятся на удовлетворяющій всѣ стороны, *для всѣхъ* почетный миръ и, слѣдовательно, продолжительный. Отсюда ясно, что все то, что *обезсиливаетъ* противниковъ Германіи, вредитъ дѣлу мира и *удлиняетъ* войну. И истинными миротворцами—какъ это ни кажется съ перваго взгляда страннымъ — являются не тѣ, кто призываетъ къ „братанію" на фронтѣ, разрушаетъ дисциплину въ войскахъ и вноситъ ядоносное начало анархіи и братоубійственной борьбы въ русскую жизнь, а тѣ, кто подобно Керенскому, возстановляетъ мощь и боеспособность арміи, содѣйствуетъ примиренію партій и возстановленію расшатаннаго революціей порядка.

Для подкрѣпленія высказаннаго здѣсь убѣжденія, я и предлагаю вниманію читателей бѣглыя замѣтки о современной Германіи по личнымъ впечатлѣніямъ.

33 мѣсяца въ нѣмецкомъ плѣну.

(Изъ записной книжки гражданскаго плѣннаго *).

Когда я, находясь въ нѣмецкомъ плѣну, встрѣчалъ въ газетахъ письма и замѣтки возвратившихся изъ Россіи нѣмцевъ, то каждый разъ набрасывался на нихъ съ жадностью, надѣясь узнать что-нибудь о внутренней жизни родины, отъ которой мы были искусственно отрѣзаны, узнать нѣсколько больше, чѣмъ изъ русскихъ газетъ, состоявшихъ наполовину изъ бѣлыхъ пятенъ; узнать, какъ у насъ во время войны живутъ, о чемъ думаютъ, на что надѣются. Правда, мы получили черезъ нейтральныя страны и письма, но по крайней мѣрѣ добрая половина ихъ затеривалась дорогой, другія доходили спустя иногда 2 недѣли, а иногда 2—3 мѣсяца до насъ, и, пройдя двѣ цензуры, оказывались значительно обезличенными. А тутъ — воспоминанія человѣка, жившаго нѣкоторое время у насъ и все тамъ лично видѣвшаго, пережившаго и только что вернувшагося со свѣжими впечатлѣніями.

Но каждый разъ, бѣгло перелиставъ подобныя записки, я бросалъ ихъ не только съ чувствомъ неудовлетворенности, но прямо-таки возмущенія. Большею частію, это было страшно тенденціозное и явно преувеличенное описаніе Россіи и

*) Въ нѣмецкомъ плѣну я очутился, застрявъ въ Германіи во время научной командировки.

положенія въ ней нѣмецкихъ плѣнныхъ, разсказы объ ихъ безконечныхъ страданіяхъ отъ грязи, грубости, безпорядковъ и т. п. Разсказывалось, какъ „хватали“ гражданскихъ— плѣнныхъ, не давая имъ одѣться и собраться, какъ грубо обращались съ ними чиновники, какъ перевозили ихъ въ телячьихъ вагонахъ съ мѣста на мѣсто, какъ заставляли голодать, унижали и оскорбляли. Сама Россія изображалась, какъ совершенно варварская страна съ грязнымъ, невѣжественнымъ, рабскимъ населеніемъ, цѣлующимъ руку тѣхъ, „кто его бьетъ“. Война, по воспоминаніямъ плѣнныхъ, вызвала съ самаго начала полное разстройство, народной жизни, показавшее, какъ мало русскіе способны къ порядку, организаціи, какъ слабо развито у нихъ чувство законности, какъ примитивна любовь къ родинѣ. Большинство солдатъ пошло на войну совершенно безсознательно, совсѣмъ не зная, почему и для чего, не представляя, далеко-ли Берлинъ и т. п. Торговцы сейчасъ же воспользовались войною для „вздутія“ цѣнъ въ цѣляхъ собственнаго обогащенія, а правительство ничего не предпринимало для сокращенія ихъ аппетитовъ, хотя хорошо сознавало, что повышеніе цѣнъ не вызвано никакой экономической необходимостью,—и такъ далѣе въ этомъ родѣ. И ни одного свѣтлаго пятна, ни одного отраднаго явленія.

Подобныя воспоминанія производили своей односторонностью такое плохое впечатлѣніе, такъ ясно проглядывало со стороны ихъ авторовъ недоброе чувство мести и желаніе представить „врага“ въ возможно болѣе невыгодномъ свѣтѣ, что я далъ обѣщаніе ни въ какомъ случаѣ, если мнѣ удастся вернуться изъ плѣна и опубликовать нѣкоторыя изъ своихъ записокъ, не впадать въ подобный дурной тонъ и быть вполнѣ безпристрастнымъ, разсказывать не только объ отри-

цательныхъ, но и положительныхъ, заслуживающихъ подражанія сторонахъ жизни нашихъ враговъ, освѣщать связанныя съ войною событія безпристрастно и всесторонне. И послѣднее для меня тѣмъ болѣе легко, что я, какъ гражданско-плѣнный, почти все время, находился на полной свободѣ, живя въ центрѣ Германіи и имѣя возможность читать газеты, посѣщать собранія, митинги, разговаривать съ представителями всѣхъ классовъ общества.

Съ другой стороны, я долженъ сказать, что не имѣю никакихъ основаній быть особенно недовольнымъ отношеніемъ ко мнѣ, равно какъ и другимъ гражданско-плѣннымъ, нѣмцевъ. Правда, въ началѣ войны мы съ женою, какъ и почти всѣ иностранцы изъ воюющихъ съ Германіей странъ, были заключены подъ стражу до тѣхъ поръ (6 недѣль), пока наши бумаги и письма не были провѣрены военными властями и испытали въ заключеніи довольно много непріятностей. Но отпущенные потомъ на свободу, на поруки профессоровъ, у которыхъ я раньше занимался, уже были оставлены въ покоѣ, обязанные только разъ въ недѣлю „мельдоваться“ (являться въ полицію) и лишенные возможности произвольно мѣнять мѣсто жительства. Что же касается населенія, то оно относилось къ намъ вполнѣ корректно, нерѣдко даже дружелюбно. Бывали, конечно, и здѣсь исключенія. Однажды я получилъ анонимное очень ругательное письмо за то, что, „забывая о нѣмецкомъ гостепріимствѣ“, позволяю себѣ высказывать сужденія о виновности Германіи въ войнѣ, оскорбляющія патріотическія чувства нѣмцевъ. Одинъ профессоръ-гинекологъ отказывался отпустить изъ своей клиники роженицу—русскую подданную до тѣхъ поръ, пока она не уплатитъ ему деньги за пріемъ младенца и леченіе, хотя отлично зналъ, что

дама состоятельна, вполнѣ надежна, давно ему извѣстна и задержка въ уплатѣ происходитъ только изъ-за неаккуратности, въ виду перерыва прямыхъ почтовыхъ сношеній съ Россіей въ полученіи денегъ, отъ чего мы очень страдали (больше, впрочемъ, какъ теперь выясняется, по винѣ Россіи, чѣмъ Германіи). Но это исключеніе. Какъ правило же, нѣмцы относились къ намъ, гражданско-плѣннымъ, въ большинствѣ случаевъ, очень корректно; въ большихъ городахъ, разумѣется, нѣсколько лучше, чѣмъ въ маленькихъ и деревняхъ, гдѣ иногда мальчишки кидали камнями, а бургомистръ вводилъ разнаго рода ограниченія свободы, въ родѣ запрещенія выходить изъ дома послѣ 8 часовъ вечера, посѣщать театры, рестораны, обязывалъ „мельдоваться“ каждый день и т. д. Но все-таки, мы получали такое же количество продовольственныхъ карточекъ, какъ и всѣ, а если голодали, особенно, въ теченіе послѣдней зимы, то наравнѣ со всѣми. Кромѣ того, русскіе, единственные изъ всѣхъ „вражескихъ“ иностранцевъ не были заключены въ лагери, объ ужасномъ состояніи которыхъ до насъ доходили смутные слухи. А въ послѣднее время, когда рѣшительно все мужское населеніе было мобилизовано и исчезло изъ городовъ, а женское ушло на фабрики, нѣмцы охотно давали платныя мѣста русскимъ гражданско-плѣннымъ въ конторахъ, банкахъ и тому подобныхъ учрежденіяхъ. Ко мнѣ же лично, благодаря тому, что я уже до войны около двухъ лѣтъ занимался въ университетѣ и работалъ въ экспериментально-психологической лабораторіи учительскаго общества, гдѣ имѣлъ много знакомыхъ и друзей, отношеніе было не только корректнымъ, но очень часто вполнѣ дружескимъ, радушнымъ. Центральная учительская библіотека, вообще запретившая вы-

дачу книгъ во время войны „вражескимъ иностранцамъ“, любезно, въ видѣ исключенія, открыла для меня свои двери, выписывала нужныя для моей работы книги и вообще относилась ко мнѣ очень внимательно.

Само собою разумѣется, все-таки я все время мечталъ и хлопоталъ объ освобожденіи изъ плѣна, гдѣ чувствовалъ себя совершенно отрѣзаннымъ отъ міра, духовно изолированнымъ, хотя мы безпрепятственно получали русскія газеты спустя двѣ-три недѣли послѣ ихъ выхода и читали газеты нашихъ союзниковъ, освѣщавшія военныя событія съ совершенно иной точки зрѣнія, чѣмъ это дѣлали нѣмцы.

Но освобожденіе было не такъ легко для военно-обязанныхъ, тѣмъ болѣе, что нѣмецкіе врачи, осмотрѣвъ меня два раза довольно тщательно, нашли „годнымъ къ военной службѣ“. Но когда заболѣла смертельно моя жена, они разрѣшили хлопотать объ обмѣнѣ. И дѣло совсѣмъ-было наладилось, но жена моя умерла, и снова все разстроилось.

Еще пришлось просидѣть и пострадать почти два года. Особенно тяжело чувствовалась духовная оторванность отъ родины, когда она зажила новой жизнью, послѣ революціи, хотя вообще отношеніе къ русскимъ плѣннымъ замѣтно улучшилось. По крайней мѣрѣ, нѣмцы стали меньше дѣлать различій между просто русскими и поляками, евреями, балтами, которые съ самаго начала находились въ нѣсколько привиллегированномъ положеніи. Поэтому я снова сталъ хлопотать объ освобожденіи путемъ обмѣна, который и удался, наконецъ, благодаря содѣйствію бывшаго Министра Народнаго Просвѣщенія Гр. Игнатьева. Дѣло объ обмѣнѣ продолжалось такъ долго, что я сталъ было уже отчаиваться въ его осуществимости.

Но вотъ 3 го марта по н. ст. является ко мнѣ полицей-

скій чиновникъ и спрашиваетъ, согласенъ-ли я поѣхать въ Россію, если меня обмѣняютъ, о чемъ проситъ Русское Министерство Иностранныхъ дѣлъ.

— Само собою разумѣется.

— Но, вѣдь, въ Россіи, вы знаете, началась революція, и Васъ въ Петроградѣ могутъ убить. Тамъ очень неспокойно. Вы можете отказаться отъ обмѣна и жить спокойно у насъ.

— Благодарю Васъ за предупрежденіе, но я не боюсь революціи и вообще, это уже мое дѣло.

— Потомъ васъ могутъ взять на войну.

— Это тоже мое дѣло.

— Такъ, значитъ, вы ничего не имѣете противъ Вашего обмѣна?

— Я же самъ все время объ этомъ хлопочу.

— Хорошо, тогда мы сообщимъ командующему нашимъ военнымъ округомъ и васъ извѣстимъ о его резопюціи.

Черезъ десять дней онъ снова явился ко мнѣ и пригласилъ на завтра въ Управленіе Командующаго Округомъ. Командующій самъ принялъ меня, сказалъ, что подписалъ бумагу объ обмѣнѣ, и посовѣтовалъ быть готовымъ каждую минуту къ отъѣзду, такъ какъ они могутъ потребовать выѣхать немедленно.

Сталъ ждать со вполнѣ понятнымъ нетерпѣніемъ. Товарищи по несчастью, совсѣмъ изголодавшіеся и измучившіеся нравственно, завидуютъ моему „счастью.“ Но не тутъ-то было. Проходитъ цѣлый мѣсяцъ. Справляюсь въ полиціи. „Это зависитъ не отъ насъ, а отъ Россіи. Намъ ничего не отвѣчаютъ оттуда. Вѣроятно, задержка происходитъ изъ-за революціи.“ Проходитъ еще мѣсяцъ. Я въ отчаяніи. Родные прекратили присылку писемъ и денегъ, полагая,

вѣроятно, что я уже, по меньшей мѣрѣ, въ пути. Наконецъ, въ половинѣ мая, я снова получаю черезъ „шуцмана“ извѣщеніе: „будьте готовы къ отъѣзду каждую минуту.“

— Почему?

— Дириксъ, котораго русское правительство отпускаетъ вмѣсто васъ, находится уже на шведской границѣ.

Жду. Проходитъ еще недѣля, десять дней и снова ничего. Наконецъ, въ четвергъ передъ Троицынымъ днемъ, звонятъ изъ полиціи по телефону.

— Завтра съ утреннимъ поѣздомъ вы должны выѣхать въ Берлинъ, гдѣ вамъ скажутъ, съ какимъ поѣздомъ ѣхать дальше.

— Абсолютно не могу, т. к. утромъ долженъ взять изъ банка на дорогу деньги.

Послѣ нѣкоторыхъ препирательствъ все-таки разрѣшили ѣхать съ самымъ раннимъ поѣздомъ въ субботу, послѣзавтра.

— Что можно взять съ собою?—„Все, кромѣ писемъ и книгъ“.

— А пишущую машину и велосипедъ?.

— Это тоже нельзя, такъ какъ вывозъ подобныхъ вещей во время войны воспрещенъ. Книги же и письма вы можете взять съ собою, если ихъ согласится просмотрѣть военная цензура и запечатаетъ. Разумѣется, не очень много.

Дѣйствительно, я снесъ съ десятокъ книгъ на разныхъ языкахъ, нѣсколько рукописей и записокъ съ адресами родственниковъ моихъ знакомыхъ, которыхъ я долженъ былъ извѣстить о положеніи ихъ въ Германіи, въ военную цензуру, откуда все получилъ черезъ нѣсколько часовъ запечатанное съ помѣткой о разрѣшеніи провезти черезъ границу. Интересно, что весь этотъ пакетъ былъ у меня ото-

бранъ на русской границѣ въ Торнео, гдѣ обѣщали вернуть черезъ два дня и не возвратили пока, въ теченіе двухъ недѣль.

Въ субботу, сердечно провожаемый хозяйкой, у которой я прожилъ болѣе трехъ лѣтъ, и членами русской колоніи, поднявшимися, несмотря на ранній часъ, я выѣхалъ изъ Лейпцига въ Берлинъ.

2.

Почти три года не ѣздилъ по желѣзной дорогѣ, прикрѣпленный къ одному мѣсту. Но все по старому. Также чисто въ вагонахъ, также точно уходитъ и приходитъ на станціи поѣздъ. Только кондуктора и контролеры женщины, да въ вагонахъ, несмотря на громадное сокращеніе пассажирскаго движенія и канунъ большого праздника, почти пусто. Во всякомъ случаѣ—свободно. Послѣднее объясняется тѣмъ, что желѣзная дорога, сокративъ до минимума, въ виду недостатка топлива, число пассажирскихъ поѣздовъ, постоянно проситъ публику черезъ печать пользоваться ѣздою только въ случаяхъ дѣйствительной необходимости, не предпринимать на праздникахъ (особенно Троицы) обычныхъ прогулокъ, солдаты же, ѣдущіе въ отпускъ и изъ отпуска, получаютъ особые вагоны. И публика, дѣйствительно, избѣгаетъ ѣзды по желѣзной дорогѣ, чтобы не тормозить движенія. Впрочемъ, въ печати все время поднимается и обсуждается вопросъ о выдачѣ особыхъ разрѣшеній на каждую поѣздку по желѣзной дорогѣ только тѣмъ, кто имѣетъ въ поѣздкѣ дѣйствительную необходимость.

Пріѣзжаю въ Берлинъ. Встрѣчаютъ русскіе-друзья, завидующіе отъѣзду. Идемъ въ Министерство Иностранныхъ дѣлъ и комендатуру, чтобы получить „разрѣшительные“

документы на выѣздъ изъ Германіи. Чиновники вездѣ очень любезны и предупредительны. Вездѣ, даже въ военномъ Министерствѣ много женщинъ. Порядокъ, который я вдвое оцѣнилъ, пріѣхавъ въ Россію и побывавъ въ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ и особенно въ Генеральномъ штабѣ, контръ-развѣдочномъ бюро, канцеляріи Петроградскаго воинскаго Начальника, гдѣ трудно добиться толку, приходится часами ждать, грязно и хаотично.

Однако разрѣшенія на выѣздъ еще не могутъ дать сегодня, очевидно, по какимъ-то „дипломатическимъ“ соображеніямъ. Кажется, хотятъ сначала убѣдиться, дѣйствительно-ли отпущенъ мой „обмѣнный“ изъ Россіи.

— Будьте добры зайти завтра, въ воскресенье въ Генеральный штабъ и тогда получите все необходимое для проѣзда черезъ границу.

— Но вѣдь завтра Троицынъ день. Развѣ у васъ будетъ присутствіе?

— Конечно, военное Министерство у насъ работаетъ день и ночь во время войны и не знаетъ праздниковъ.

Дѣйствительно, на другой день мы съ товарищемъ зашли въ министерство, нашли многихъ чиновниковъ на своихъ мѣстахъ и получили бумаги.

— Интересно, такъ ли работаетъ наше военное Министерство во время войны?

— Само собою разумѣется,—говоритъ товарищъ.—Какъ же иначе.

Но пріѣхавъ въ Петроградъ, я, къ сожалѣнію, убѣдился, что мой другъ былъ не правъ, и что у насъ многое дѣлается совсѣмъ не такъ, какъ „само собою разумѣется.“

Въ военномъ Министерствѣ мнѣ сказали, что я долженъ выѣхать въ понедѣльникъ съ утреннимъ поѣздомъ, позна-

комили меня съ офицеромъ, который долженъ сопровождать до границы „для предупрежденія недоразумѣній".

Въ Берлинѣ, такимъ образомъ, я пробылъ два дня, остановившись у товарища. Въ городѣ, несмотря на большой праздникъ (Тронцынъ день), довольно пусто. На улицахъ главнымъ образомъ женщины, солдатъ сравнительно немного: они, большею частію, на полевыхъ работахъ; трамваи и омнибусы не переполнены. Лавки, какъ и въ Лейпцигѣ, совершенно пусты. Большинство мясныхъ и почти всѣ кондитерскія совсѣмъ закрыты. Даже кофейни и рестораны на улицѣ „подъ липами", обычно переполненные, пустуютъ. И не мудрено: вѣдь въ Берлинѣ, какъ и въ Лейпцигѣ, какъ и почти во всей Германіи, нѣтъ „настоящаго" чаю и кофе, совсѣмъ нѣтъ молока, сахару (сахаринъ), хлѣба, булокъ, сухарей, пирожнаго или печенья. Всего этого нельзя достать ни за какія деньги. Пьютъ пустой кофе (поддѣльный) съ принесеннымъ съ собою чернымъ хлѣбомъ, состоящимъ изъ муки, картофеля и отрубей—не очень охотно. Пустынно и въ ресторанахъ, гдѣ мясо, хлѣбъ, картофель, яйца можно получить только по карточкамъ. Но такъ какъ у насъ, какъ у „проѣзжающихъ", карточекъ не было, то нашъ обѣдъ поневолѣ оказался крайне скуднымъ. Мы могли получить только супъ, жареную рыбу, зелень. Порціи небольшія. Можно было бы пообѣдать два-три раза подрядъ, но все-таки обѣдъ стоитъ 3—4 марки и цѣна на все, какъ я вижу теперь, въ 2—3 раза дешевле, чѣмъ въ Петроградѣ, гдѣ скромный, сравнительно, обѣдъ въ небольшомъ ресторанѣ стоитъ 5—6 рублей. Пива можно получить только одинъ бокалъ и то не во всѣхъ ресторанахъ, въ лавкахъ же пиво уже давно не продается. На открытыхъ ларькахъ исключительно зелень,

такъ какъ ни конфектъ, ни шоколаду, ни орѣховъ и т. п. давно уже нигдѣ нѣтъ. Только лимоны по 20—25 пфениговъ *) штука (нѣмцы сердятся на дороговизну!), огурцы большіе, турецкіе по 50 пф., спаржа по 75—80 пф. фунтъ (500 гр,), редиска по 10 пф. пучекъ и т. далѣе. Много цвѣтовъ; сирень, ландыши и т. п. Можно за 50 пф. имѣть хорошій букетикъ; нѣмцы торгуются и возмущаются „мародерствомъ“ продавцовъ. „Что же дѣлаетъ Батоцкій?“ (диктаторъ по продовольствію) спрашиваютъ они съ негодованіемъ. Къ сожалѣнію, я не могъ ихъ утѣшить предложеніемъ сравнить эти „скромныя“ цѣны съ Петроградскими, о которыхъ тогда еще не имѣлъ никакого представленія.

Послѣ обѣда на улицахъ сдѣлалось нѣсколько оживленнѣе: нѣмцы отправляются пѣшкомъ или на трамваяхъ въ окрестности Берлина на экскурсіи.

Большею частію идутъ пѣшкомъ: ни извозчиковъ, ни автомобилей въ городѣ нигдѣ не видно, какъ и въ Лейпцигѣ. Даже нѣтъ велосипедовъ, такъ какъ вся резина конфискована для военныхъ нуждъ. Въ Лейпцигѣ остался всего десятокъ-другой извозчиковъ; но удивительное дѣло, когда я заказалъ извозчика по телефону въ бюро (на улицахъ найти невозможно), то оказалось, что онъ возитъ до вокзала, какъ и всегда, по таксѣ, законно повышенной, вслѣдствіе вздорожанія жизни изъ-за войны, на 25%, въ то время, какъ въ Петроградѣ уже не существуетъ никакой таксы и извозчики, которыми полны всѣ улицы, подняли цѣны на 200—500% и просили съ меня съ Финляндскаго вокзала на 3-ью роту 10—12 рублей.

Вообще всѣ мои понятія о дороговизнѣ, съ пріѣздомъ въ

*) По довоенному курсу нѣмецкая марка 100 пфениговъ равнялась 48 коп. Значитъ, 1 пфенигъ—около полкопейки.

Россію претерпѣли настоящую революцію. Вмѣстѣ съ нѣмцами я думалъ, что въ Германіи *дѣйствительно* все за время войны „колоссально“ подорожало: мясо дошло до 4,50 мар. за фунтъ, хлѣбъ до 18 пф; масло до 3—4 марокъ, голубь до 3—4 марокъ, ворона, которыхъ въ послѣднее время ѣдятъ очень охотно, до 4—5 марокъ, мужскіе штиблеты до 30—35 марокъ, пальто до 60—90 марокъ, лѣтній костюмъ до 80—120 марокъ и т. д. Вся пресса, а особенно соціалъ-демократическая, ведетъ страшную компанію противъ правительства, не умѣющаго обуздать „перешедшіе всякія границы“ аппетиты продавцовъ, эксплуатирующихъ населеніе, и требуетъ установленія рѣшительно на всѣ продукты „твердыхъ“ цѣнъ. Но, пріѣхавъ въ Россію, я вижу, что понятіе о дороговизнѣ относительно, что, дѣйствительно дороги въ Германіи—по сравненію съ нашими—только куры (26—30 марокъ) и гуси (110—120 марокъ) и т. п. вещи, все же остальное не только сносно, но прямотаки дешево, и былъ не правъ, когда держалъ пари съ нѣмцами, утверждая, что разсказы нѣмецкихъ газетъ о 90 рублевыхъ сапогахъ въ Россіи глупы и злостны, легенды, выдуманныя ими для самоутѣшенія. „Если у васъ, при полномъ отсутствіи кожи, сапоги стоятъ 30—35 марокъ, то какъ могутъ они стоить у насъ 90 рублей, гдѣ кожи избытокъ, откуда она поставлялась всегда въ Германію? Это явная безсмыслица, газетныя росказни“. Оказывается, къ сожалѣнію, что и газеты иногда разсказываютъ правду.

3.

Наконецъ, въ понедѣльникъ, рано утромъ, офицеръ пріѣхалъ за мною на казенномъ автомобилѣ, и мы поѣхали черезъ весь городъ по совершенно пустыннымъ, но уже

подметеннымъ улицамъ къ вокзалу. По дорогѣ я замѣтилъ громадную статую-памятникъ, пока еще въ видѣ деревянной модели, Гинденбургу. Такія статуи красуются теперь уже во многихъ городахъ Германіи.—„Правда, внушительная фигура," говоритъ мой проводникъ. Онъ—спаситель Германіи, а мы умѣемъ цѣнить нашихъ великихъ людей". Я согласился, что Гинденбургъ, дѣйствительно, талантливый полководецъ, осторожный и осмотрительный.—„А главное, онъ пользуется у насъ полнымъ довѣріемъ".

930087

Въ поѣздѣ снова было вполнѣ свободно, несмотря на второй день праздника. Всю дорогу говорили съ моимъ проводникомъ и двумя дамами, сидѣвшими въ нашемъ купэ и ѣхавшими въ Зассницъ на границу встрѣчать поѣздъ съ инвалидами, возвращавшимися изъ Россіи, о войнѣ, мирѣ, будущемъ Европы. Мать съ дочерью, ѣхавшія встрѣчать сына и брата, возвращавшагося изъ плѣна, были настроены къ Россіи очень дружелюбно, такъ какъ сынъ писалъ, что жилось ему тамъ вполнѣ хорошо: и уходъ въ лазаретѣ, и питаніе, и отношеніе не оставляли желать ничего лучшаго. Моя спутница увѣрена, что постоянныя росказни нѣмецкихъ газетъ о совершенно антисанитарномъ состояніи русскихъ лазаретовъ, о неподготовленности русскихъ врачей, о ихъ халатности, о полномъ недостаткѣ медикаментовъ и т. п., равно какъ и объ ужасныхъ звѣрствахъ русскихъ солдатъ, особенно казаковъ, издѣвавшихся надъ мирнымъ населеніемъ восточной Пруссіи—плодъ досужей, возбужденной войною фантазіи. Согласенъ и офицеръ—боевой солдатъ, уже потерявшій въ войнѣ двухъ братьевъ, что эти разсказы, которыми наполнены цѣлыя книги, сильно преувеличены. Это тѣмъ болѣе пріятно было слышать, что большинство нѣмцевъ имъ вѣрятъ без-

Библиотека имени

условно. И только въ соціалъ-демократической прессѣ „меньшинства“ (партіи Гаазе-Ледебуръ) можно было встрѣтить иногда скептическое отношеніе къ разсказамъ газетъ о „русскихъ звѣрствахъ“.

Такъ, напримѣръ, послѣ взятія русскими Мемеля, во всѣхъ нѣмецкихъ газетахъ появились телеграммы о томъ, что городъ варварски разрушенъ почти до основанія: большинство домовъ уничтожено, сотни женщинъ изнасилованы, множество мирныхъ обывателей перебито, дѣтей и стариковъ уведено въ плѣнъ. Народная газета въ Лейпцигѣ, лучшая соціалъ-демократическая въ Германіи — поручила своему корреспонденту провѣрить эти газетные ужасы; въ отвѣтъ на это онъ телеграфировалъ: „мнѣ удалось по личнымъ наблюденіямъ и опросамъ установить, что разрушено 5-6 домовъ, изнасилованы 3 женщины, убито 2 мирныхъ жителя случайными пулями и десятокъ отправленъ въ плѣнъ“. Другой разъ тотъ же „Народный Вѣстникъ“ разсказалъ объ очень поучительномъ случаѣ, имѣвшемъ мѣсто также въ восточной Пруссіи. Приходитъ въ лазаретъ старикъ и заявляетъ, что у него русскіе солдаты отрубили три пальца за отказъ указать куда-то дорогу. Изъ отрубленныхъ пальцевъ, дѣйствительно, сочится кровь. Старика положили въ лазаретъ, пальцы ему залѣчили, а всѣ газеты трезвонятъ о русскихъ звѣрствахъ, о новомъ чудовищномъ случаѣ издѣвательства надъ беззащитнымъ старикомъ, портретъ котораго обходитъ всѣ иллюстрированныя изданія. Выписавшись изъ лазарета, старикъ приходитъ хлопотать объ инвалидной пенсіи, такъ какъ онъ изъ-за войны потерялъ работоспособность. Здѣсь же выясняется, что этотъ старикъ изъ сосѣдняго мѣстечка давно уже потерялъ пальцы, отрѣзанные у него машиною на фабрикѣ, получаетъ

изъ пенсіонной кассы на инвалидность и выдумалъ всю исторію съ русскими звѣрствами въ надеждѣ получить пенсію и изъ другого мѣста. Несомнѣнно, подобные случаи были нерѣдки.

Мои спутники были настолько терпимы, что съ ними можно было спокойно разговаривать даже о причинахъ войны и виновности въ этомъ разныхъ странъ—вопросъ, который приводитъ, обыкновенно, средняго нѣмца въ ярость. Дѣло въ томъ, что „средній нѣмецъ“, нѣмецкій обыватель глубоко и искренно убѣжденъ въ томъ, что не Германія начала войну, многіе думаютъ даже, что не Германія *объявила* войну Россіи и Франціи, а какъ разъ наоборотъ. „Внѣшняя причина войны, говорилъ мнѣ одинъ профессоръ тономъ глубокаго убѣжденія, Австрія, внутренняя—Россія, а Германія—жертва союзныхъ договоровъ и обязательствъ“. Такъ думаетъ большинство нѣмцевъ. При этомъ, сначала главной виновницей войны считали Россію, русское правительство, постоянно стремящееся къ захвату, позднѣе Англію—ненависть къ которой все возрастаетъ,— начавшую войну изъ-за экономической конкурренціи съ Германіей, изъ-за борьбы за первенство на морѣ и міровомъ торговомъ рынкѣ. О виновности Англіи въ настоящей войнѣ нѣмцами написаны цѣлые томы. Вообще, отношеніе къ Англіи, какъ главной виновницѣ войны и изобрѣтательницѣ войны „голодомъ“ вслѣдствіе морской блокады Германіи, настолько враждебное, что почти все населеніе Германіи, за исключеніемъ небольшого лѣваго крыла соціалъ-демократовъ, требовало обостренія подводной войны и введеніе ея встрѣтило съ чувствомъ живѣйшей радости и глубокаго удовлетворенія. Нѣмцы возлагаютъ на эту „безпощадную“ подводную войну, обѣщающую въ короткое время уничтожить весь

торговый Англійскій флотъ, громадныя надежды, и если вѣрить ихъ сообщеніямъ о выведеніи изъ строя каждый мѣсяцъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ тонъ кораблей торговаго флота, то ихъ ожиданія увѣнчиваются успѣхомъ и подводныя лодки должны въ скоромъ времени заставить Англію подъ угрозой страшнаго призрака голода просить о мирѣ. Но Германія только въ томъ случаѣ вполнѣ примирится съ Англій, если послѣдняя уступитъ ей свое господство на морѣ и вообще признаетъ себя побѣжденной. Иначе будетъ продолжаться „война послѣ войны“ до полной побѣды надъ Англіей.

Въ этомъ отношеніи очень интересно, что нѣмцы не только не вѣрятъ въ „вѣчный“ миръ между націями, будущее братство народовъ, возможность ограниченія вооруженія или даже полнаго разоруженія, организацію третейскаго международнаго суда и т. п., но уже мечтаютъ о будущей войнѣ и *готовятся къ ней*. Они очень заботятся объ увеличеніи народонаселенія на случай будущей войны: поощряютъ браки солдатъ, отпускаютъ въ отпускъ женатыхъ чаще, чѣмъ холостыхъ, пишутъ о необходимости измѣненія законовъ объ эмиграціи и серьезно разсуждаютъ о желательности привезенія въ Германію изъ завоеванныхъ областей Бельгіи, Франціи, Россіи, Сербіи, Румыніи дѣтей нѣмецкихъ солдатъ отъ мѣстнаго населенія. Если такихъ дѣтей, пишетъ одна нѣмка, не согласились-бы взять въ свои семьи жены солдатъ, что очень желательно въ интересахъ государства, то послѣднее должно само позаботиться о нихъ, организовавъ соотвѣтствующіе пріюты.

4.

Но мои спутники, какъ я уже замѣтилъ, настроены пр ирительно и считаютъ всѣ націи одинаково виновными

въ войнѣ, лучшимъ же исходомъ войны—объ этомъ мечтаетъ сейчасъ большинство нѣмцевъ—сепаратный миръ съ Россіей. „Въ самомъ дѣлѣ, говорятъ они, что намъ дѣлить; мы были съ вами всегда друзьями, цѣлыя столѣтія, мы сосѣди, вы стали бы присылать намъ снова сырые продукты, хлѣбъ, масло, яйца и т. п., мы—вамъ машины и готовые продукты".—„На какихъ условіяхъ?"—„Конечно, Россія должна была бы отказаться отъ Польши и Курляндіи: вѣдь, не даромъ же наши сыновья проливали кровь. Но Польшѣ Россія сама обѣщала дать самостоятельность, а за Курляндію, которая населена нѣмцами (?) и необходима намъ, какъ мѣсто для колонизаціи избытка населенія, мы могли бы дать выкупъ въ нѣсколько милліардовъ марокъ, которыя очень пригодились бы Россіи. Воевать же она, послѣ революціи, уничтожившей боеспособность вашей арміи, все равно не можетъ. А помирившись съ Россіей, мы уже легко справились бы съ Франціей и скоро кончили бы войну, которая иначе протянется безъ конца. Впрочемъ, долго Россія не выдержитъ: у васъ, вѣдь, начинается голодъ, полная дезорганизація хозяйства, да къ тому же анархія, вызванная революціей. Россія скоро и, вѣроятно, первая запроситъ о мирѣ и согласится на наши „условія".

Эти разсужденія очень типичны для нѣмцевъ, все время живущихъ надеждой на „близкій" миръ, которымъ они утѣшаютъ изстрадавшихся и измученныхъ солдатъ въ окопахъ. Эти надежды являются для нихъ путеводнымъ огонькомъ съ самого начала войны, особенно на миръ съ Россіей, такъ какъ русскіе, „какъ извѣстно", отличаются слабыми нервами и безхарактерностью. Особенно обострились эти надежды еще лѣтомъ 1915 года.—„Падетъ Варшава—и конецъ войны. Русскіе запросятъ о мирѣ". За-

тѣмъ снова возродилась надежда. „Какъ только Сербія будетъ побѣждена—война кончится". Далѣе: „какъ падетъ Бухарестъ". Теперь—утѣшеніе и надежда—русская анархія съ одной стороны, съ другой—подводная война съ Англіей.

Интересно, что мечты о сепаратномъ мирѣ раздѣляются всѣми партіями — такъ его идея популярна, кромѣ небольшой кучки крайнихъ лѣвыхъ — независимыхъ соціалъ-демократовъ (15% приблизит., членовъ Рейхстага), стремящихся къ общему миру на основѣ взаимнаго примиренія и удовлетворенія интересовъ всѣхъ воюющихъ партій. Большинство же соціалъ-демократовъ вмѣстѣ со всей Германіей мечтаетъ о сепаратномъ мирѣ съ Россіей, обѣщающемъ торжество національнымъ стремленіямъ нѣмцевъ и обезпеченіе ихъ господства на міровомъ торговомъ рынкѣ—какъ гарантію экономическаго развитія и процвѣтанія Германіи.

Соціалъ-демократическая пресса большинства насквозь проникнута убѣжденіемъ, что судьбы нѣмецкаго капитализма такъ тѣсно связаны съ интересами и благосостояніемъ рабочаго класса, что потрясеніе капиталистическаго строя—пораженіе Германіи—прежде всего невыгодно самимъ рабочимъ. Вѣдь, вытѣсненіе Германіи съ перваго мѣста на міровомъ рынкѣ, побѣда надъ капитализмомъ, повела бы къ пониженію спроса на нѣмецкіе товары, къ обѣднѣнію народа, къ вздорожанію жизни и т. подобнымъ явленіямъ, которыя ударили бы всего больнѣе по рабочему классу, по пролетарію. Этимъ и объясняется то обстоятельство, кажущееся на первый взглядъ страннымъ, что нѣмецкіе соціалъ-демократы съ самаго начала и до послѣдняго времени идутъ рука объ руку со своимъ самодержавно-бюрократическимъ правительствомъ и тѣмъ сильнѣе поддерживаютъ канцлера, чѣмъ яростнѣе нападаютъ на него справа и изъ

центра за его яко-бы недостаточно рѣшительные способы веденія войны, за его уступчивость въ вопросахъ о мирѣ, „граничащую съ измѣной отечеству". Уступчивостью же— это звучитъ для насъ комично,—правыя партіи и центръ называютъ недостаточную твердость канцлера въ вопросѣ о необходимости „расширенія границъ" на востокѣ и на западѣ, какъ „гарантіи будущаго мира" и колебанія въ вопросѣ о вознагражденіи нѣмцевъ за „пролитую ими кровь и потраченное добро".

По существу, въ современной Германіи соціалъ-демократовъ, стоящихъ на настоящей соціалистической платформѣ, вѣрныхъ идеямъ Маркса и Бебеля, искренно сочувствующихъ „интернаціоналу" и вѣрящихъ въ возможность его возрожденія—только двое. Это—*Либкнехтъ*, который сидитъ въ тюрьмѣ, лишенный всѣхъ гражданскихъ правъ— его большинство нѣмцевъ считаетъ сумасшедшимъ— и депутатъ *Рюле*. Къ нимъ идейно примыкаютъ нѣсколько женщинъ, въ родѣ Розы *Люксембургъ*. Они, дѣйствительно, „интернаціональны", искренно стремятся къ миру, возстановленію братства народовъ, но—они *исключены* изъ партіи товарищами, и ихъ рѣзкія выступленія осуждаются даже лѣвымъ крыломъ соціалъ-демократовъ (*Гаазе-Ледебуръ*), организовавшихъ новую партію (независимыхъ соціалистовъ) послѣ того, какъ ихъ представители были удалены изъ партіи и изгнаны изъ прессы.

Представители „независимыхъ соціалъ-демократовъ" насчитывали въ Рейхстагѣ вначалѣ 25 членовъ, потомъ ихъ число увеличилось до 31. Они утверждаютъ, что за ними вся партія или по крайней мѣрѣ большинство соціалъ-демократовъ. Но это сомнительно, такъ какъ даже въ Лейпцигѣ—штабъ-квартирѣ „независимыхъ соціалистовъ" (здѣсь ихъ

лейбъ-органъ—Leipziger Volkszeitung)—партія раскололась, и большинство организовало свой органъ, ведущій безпощадную войну съ „независимыми“. Послѣдніе же, хотя и стоятъ вполнѣ на соціалистической программѣ, стремятся не къ сепаратному, какъ большинство, но „общему“ почетному для всѣхъ и, дѣйствительно, примиряющему миру, все-таки оказываются въ значительной степени зараженными тѣми же самыми бациллами, отъ которыхъ страдаетъ большинство партій.

Такъ, я присутствовалъ на нѣсколькихъ митингахъ, организованныхъ независимыми соціалистами по вопросамъ о войнѣ, мирѣ, русской революціи. Митинги происходили въ переполненномъ залѣ зоологическаго сада и другихъ большихъ аудиторіяхъ. Ораторы-партійные работники говорили съ большимъ воодушевленіемъ... но граждане сидѣли, курили, пили поддѣльное пиво и слушали равнодушно. Ни знаковъ одобреній, ни преній. Да и самъ ораторъ, восхваляя русскую революцію, приглашаетъ подражать ей... *послѣ* войны. Во время же войны онъ считаетъ все, обезсиливающее и дезорганизующее государство, вреднымъ. Поэтому „независимые соціалисты“ высказываются противъ всякихъ, даже экономическихъ забастовокъ, наносящихъ вредъ государству и подрывающихъ его мощь. Это, по ихъ мнѣнію, измѣна отечеству, которое, все-таки, „выше всего“.

На этомъ же основаніи ораторъ высказывается и противъ подражанія русскимъ соціалъ-демократамъ въ требованіи 8-часоваго рабочаго дня. По его мнѣнію, Германія недостаточно богата, чтобы позволить себѣ подобную роскошь. Фактическое введеніе 8 часов. рабочаго дня повело бы къ вытѣсненію Германіи съ мірового рынка, пониженію ея производительности, а это невыгодно не для однихъ только

капиталистовъ, но и для самого рабочаго класса. Поэтому 8 ч. рабочій день—идеалъ будущаго, пока же надо требовать повышенной оплаты труда за дополнительные (сверхъ восьми) часовъ работы. Въ вопросѣ о войнѣ и мирѣ „независимые“ стоятъ на интернаціональной точкѣ зрѣнія и являются *единственной* партіей, къ сожалѣнію, очень небольшой по своему количеству и незначительной по удѣльному вѣсу, по вліянію на правительство, народъ и другія партіи,—*искренно* желающей мира безъ аннексій и контрибуцій на основѣ самоопредѣленія народовъ, хотя они все-таки за сохраненіе Эльзасъ-Лотарингіи Германіей. Но они не призываютъ ни къ „братанію“ съ воюющими солдатами, ни къ отказу отъ выступленія или отъ продолженія войны. И не потому, что—судя по ихъ прессѣ—боятся репрессій правительства, негодованія и возмущенія общества, но изъ убѣжденія въ наивности и безполезности подобныхъ призывовъ, которые нигдѣ бы не нашли ни сочувствія, ни отголоска. Это совершенно ясно не только для самихъ „независимыхъ“, вообще являющихся хорошими реальными политиками, умѣющими учитывать требованія момента, но и для всѣхъ тѣхъ, кто хорошо знакомъ съ Германіей вообще и въ частности—съ *господствующими* тамъ сейчасъ настроеніями.

Что касается большинства соціалъ-демократической партіи (80% приблизительно)—ихъ лѣвые товарищи называютъ обыкновенно соціалъ-патріотами и націоналистами,—то ихъ программа въ настоящее время соотвѣтствуетъ нашей кадетской съ той только разницей, что нѣмецкіе соціалъ-демократы высказываются теперь за монархію.

Не удивительно поэтому, что протянутая имъ русскими соціалистами рука повисла въ воздухѣ, оставшись безъ

отвѣта. Они за „сепаратный миръ“ съ Россіей, и ихъ пресса злорадствуетъ по поводу разложенія Россіи и воцарившейся здѣсь анархіи не менѣе, чѣмъ печать другихъ, болѣе правильныхъ изданій и „центра“ гдѣ уже давно образовался особый „Русскій Отдѣлъ“, съ торжествомъ сообщающій о разбояхъ и грабежахъ въ городахъ, о захватахъ земель крестьянами, о буйствахъ солдатъ и особенно повальномъ бѣгствѣ ихъ съ фронта, объ организаціи русскихъ республикъ въ Кронштадтѣ и другихъ городахъ и мѣстечкахъ, о не успѣхѣ займа свободы, о подвигахъ „большевиковъ“ и ихъ дезорганизующей пропагандѣ, о сумасшедшемъ взвинчиваніи цѣнъ на жизненные продукты, о вакханальномъ повышеніи заработной платы рабочими, о непрекращающихся повсюду забастовкахъ, ведущихъ къ экономическому кризису, о безпорядкахъ на желѣзныхъ дорогахъ, устраиваемыхъ солдатами, о полномъ паденіи военной дисциплины въ войскахъ и т. подобныхъ явленіяхъ.

Эти сообщенія, заставлявшія краснѣть, страдать и волноваться членовъ нашей русской колоніи, привѣтствовались обычно всей прессой, не исключая и соціалъ-демократической, какъ самыя отрадныя и выгодныя для войны событія. Правая же печать, имѣющая въ Германіи громадную силу, цинично увѣряла постоянно, что русскія крайнія лѣвыя партіи, порождающія въ Россіи анархію, являются подобно старому дореволюціонному правительству лучшими друзьями Германіи. И вся печать такъ радовалась паденію и выходу изъ кабинета Милюкова, подкупленнаго, по ея мнѣнію, англійскимъ правительствомъ. „(Развѣ есть въ Россіи искренніе и честные патріоты?“ говорили мнѣ, когда я оспаривалъ это утвержденіе), что казалось, она была въ немъ непосредственно заинтересована. И наоборотъ, соціалъ-демо-

кратическая пресса *съ негодованіемъ* отозвалась на предложеніе русскихъ соціалистовъ свергнуть Вильгельма, видя въ этомъ покушеніе на внутреннюю свободу и независимость партіи. Одинъ соціалъ-демократъ въ бесѣдѣ со мной по поводу этого вопроса, сказалъ между прочимъ, что предложеніе это, какъ нельзя болѣе ясно обнаруживаетъ политическую незрѣлость русскихъ соціалистовъ, грозящую Россіи, по его убѣжденію, большими осложненіями.

Если такъ относится къ Россіи, въ вопросахъ войны и мира соціалъ-демократическая пресса большинства, то легко себѣ представить, что пишетъ печать центра и правыхъ газетъ. Большею частью, они говорили за время войны такимъ тономъ о Россіи, что чтеніе ихъ доставляло намъ страданье. Очень жаль, что до сихъ поръ не отмѣнено запрещеніе о ввозѣ въ Россію газетъ воюющихъ съ нами странъ; въ этомъ отношеніи слѣдовало бы подражать Германіи, гдѣ можно было всегда получить въ кіоскахъ англійскія, французскія, русскія, итальянскія и т.-п. газеты и журналы. Эти нѣмецкія газетныя статьи были сплошнымъ издѣвательствомъ, особенно если дѣло заходило о „душѣ русскаго народа“ (смѣсь грубости, тупости, надменности и легкомыслія), о русскихъ порядкахъ и т. п. Еще въ началѣ войны „Berliner Tageblatt“ утѣшала нѣмцевъ тѣмъ, что въ Россіи все po staromu („по старому“) и, слѣдовательно, нѣтъ опасности бояться сильнаго сопротивленія Россіи врагамъ. Потомъ начались безконечныя предсказанія русской революціи, которая все-таки разразилась довольно неожиданно и поставила нѣмецкую печать въ затрудненіе.— „Это дѣло англичанъ“—было рѣшено въ первую минуту,— желающихъ усилить военную мощь Россіи. Но потомъ, когда стали приходить изъ Гапоранды—источникъ всякихъ сен-

саціонныхъ и по большей части ложныхъ извѣстій,—съ границы Финляндіи, извѣстія о разрухѣ въ Россіи, нѣмецкая печать успокоилась—„Wse po staromu: „Все по старому“; Россія не опасна“.

Только постановленіе нашихъ соціалистовъ о мирѣ „безъ аннексій и контрибуцій“ снова вывело прессу изъ равновѣсія. Въ Лейпцигской газетѣ: Neuste Nochrichten, пользующейся громаднымъ распространеніемъ и формирующей общественное мнѣніе Саксоніи, была напечатана по этому поводу статья подъ заглавіемъ: Что это дѣтство или глупость? въ которой авторъ говоритъ, что не знаетъ, чему больше удивляться въ формулѣ русскихъ соціалистовъ: ея дѣтской наивности или прямо глупости и что съ ней нельзя считаться серьезно. „Эта формула имѣла бы значеніе, если бы высказали ее нѣмцы, занявшіе русскія области, но мы не собираемся отъ нихъ отказываться, прогнать насъ оттуда силой Россія не въ состояніи и поэтому требовать отказа отъ аннексіи прямо-таки смѣшно“.

5.

Совершенно такого же мнѣнія и мои спутники. „Конечно, говорили они, мы хотимъ помириться съ Россіей и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, но Германія не можетъ отказаться отъ завоеванныхъ ею съ такими усиліями областей и отъ вознагражденій за пролитую кровь лучшихъ ея гражданъ. Это было бы политическимъ самоубійствомъ. На нашемъ мѣстѣ каждый сдѣлалъ бы подобнымъ же образомъ. Побѣди Россія, она также требовала бы расширенія границъ и возмѣщенія убытковъ, а вопросъ о виновности, особенно о главномъ виновникѣ, рѣшится не ранѣе, какъ спустя сто лѣтъ безпристрастнымъ судомъ исторіи.“

Поэтому я былъ радъ, что мы подъѣзжали къ границѣ и разговоръ, въ которомъ ни на іоту нельзя было поколебать мнѣнія моихъ спутниковъ, самъ собою обрывался. Но предстояли еще таможенныя непріятности, о которыхъ разсказывали раньше всякіе ужасы. Однако, дѣйствительность оказалось гораздо менѣе страшна. Таможенные чиновники были любезны, осматривали внимательно, но быстро, не придирались, пропустили книги и рукописи и скоро выпустили на пароходъ, отправлявшійся въ Швецію къ Треллеборгу. Въ этомъ отношеніи намъ гораздо больше пришлось перетерпѣть на русско-шведской границѣ, такъ какъ здѣсь досмотръ продолжался не четверть часа, а болѣе двухъ, хотя народу было не больше, но было гораздо менѣе порядка, а главное не было никакой планомѣрности, и одни солдаты отбирали у пассажировъ то (напримѣръ, шоколадъ, конфекты, зубной порошокъ, одеколонъ духи и т.-п.), что другіе спокойно оставляли.

Наконецъ-то, на нейтральной почвѣ! Мой проводникъ остался позади, и я *свободный гражданинъ свободнаго государства*! Надо пережить это чувство, чтобы оцѣнить вполнѣ его невыразимую сладость! Жаль было только, что на пароходѣ не было никого русскихъ и не съ кѣмъ было подѣлиться своей переполнявшей грудь радостью. Пароходъ большой, просторный, красивый и благоустроенный, напоминающій наши волжскіе, курсирующіе послѣ Нижняго. Въ столовой готовятся къ обѣду, который можно получить въ 3 часа за $3^1/_2$ кроны. Мои спутники-шведы и датчане, возвращающіеся изъ Германіи, набрасываются на обѣдъ съ жадностью: еще бы мы можемъ во время одного обѣда съѣсть столько, сколько намъ „полагалось“, по меньшей

мѣрѣ, на недѣлю. А главное сколько угодно хлѣба и громадныя порціи мяса.

Море спокойно. Пароходъ идетъ плавно, и черезъ четыре часа мы уже въ Швеціи, въ Треллеборгѣ. Небольшой, чистый городокъ, но какое оживленіе, больше, чѣмъ въ Берлинѣ: вездѣ извозчики, автомобили. Спѣшу на поѣздъ, посылаю телеграммы роднымъ и знакомымъ объ освобожденіи, мѣняю съ громаднымъ убыткомъ остатокъ нѣмецкихъ марокъ на шведскія кроны.

Ѣдемъ дальше съ поѣздомъ, направляющимся въ Стокгольмъ. Въ моемъ купэ нѣсколько австрійскихъ сестеръ милосердія, командированныхъ въ Данію для ухода за эвакуированными тамъ инвалидами. Изъ разговора съ ними видно, что въ Австріи живется еще хуже, чѣмъ въ Германіи, такъ какъ тамъ къ недостатку продовольствія присоединяется неорганизованность и недовольство почти всѣхъ партій своими правительствомъ.

Вечеромъ мы въ Мальмэ, гдѣ я останавливаюсь, чтобы отдохнуть, переночевать и на другой день заѣхать къ моему другу—шведскому пастору, съ которымъ я, не будучи, лично знакомымъ, очень дѣятельно переписывался во время, войны.

Это случилось такимъ образомъ. Какъ гражданско-плѣнные, мы всего болѣе страдали отъ невозможности переписываться съ родными непосредственно, какъ это разрѣшалось на особыхъ открыткахъ военноплѣннымъ изъ лагерей; посредничество же Краснаго Креста по пересылкѣ нашей корреспонденціи черезъ нейтральныя страны наладилось не сразу и поэтому намъ оставалось искать случайныхъ частныхъ посредниковъ въ нейтральныхъ странахъ, особенно въ Швеціи, черезъ которую письма доходили всего скорѣе

иногда въ 2—3 недѣли. Съ просьбою о такомъ посредничествѣ мнѣ знакомые порекомендовали обратиться къ одному шведскому пастору, который не только пересылалъ письма, деньги и посылки въ теченіе почти трехъ лѣтъ, но оказался настолько любезнымъ и отзывчивымъ, что мы съ нимъ заочно подружились и онъ очень просилъ заѣхать къ нему на обратномъ пути изъ Германіи, что я охотно сдѣлалъ, хотя его село и лежало немного въ сторонѣ отъ дороги, но въ очень живописной мѣстности, около извѣстнаго курорта Бастай. Пасторъ и его семья приняли меня съ чисто русскимъ гостепріимствомъ и съ такимъ радушіемъ, какъ будто мы были давно лично знакомы. Правда, ни онъ не зналъ русскаго языка, ни я шведскаго, но онъ говорилъ по-нѣмецки и французски, а его жена по-французски и по-англійски, такъ что мы легко объяснялись, осмотрѣли нѣсколько сосѣднихъ школъ и проговорили до полуночи.

Изъ знакомства съ пасторомъ я вынесъ убѣжденіе, что, шведы совсѣмъ не такіе германофилы, какими стараются представить ихъ нѣмцы, очень заинтересованы въ поддержаніи добро-сосѣдскихъ отношеній съ Россіей и страшно интересуются организующимся у насъ новымъ свободнымъ строемъ.

На другой день я былъ уже въ Стокгольмѣ, спѣша дальше въ Россію. Здѣсь очень привѣтливо встрѣтили въ Посольствѣ и Комитетѣ Краснаго Креста, несущемъ большую работу по сношеніямъ съ военно-плѣнными. Рекомендуютъ покупать одежду и обувь. Иначе вы заплатите въ Россіи въ десять разъ дороже. „Пальто, за которое здѣсь вы заплатите 60-70 кронъ *), стоитъ въ Петроградѣ 200 р.,

*) Шведская крона въ довоенное время равнялась 52 коп.; сейчасъ при размѣнѣ стоитъ около 1 руб.

а штиблеты здѣсь 18—25 кр., а тамъ 60—80 р. Неужели это правда? Вѣдь, это маловѣроятно".—„Къ сожалѣнію, совершенно вѣрно".

Въ Швеціи хотя выдаютъ хлѣбъ и кофе по карточкамъ, но всего ещё очень много и главное цѣны разъ въ десять дешевле нашихъ.

На слѣдующій день утромъ мы уже въ поѣздѣ, отправляющимся въ Гапаранда къ Финляндской границѣ. Поѣздъ идетъ черезъ всю Швецію полтора сутокъ. Вездѣ чистота и порядокъ. Есть спальные вагоны и вагонъ-ресторанъ. Много эмигрантовъ. Многіе жалуются на нелюбезность и старо-бюрократическій духъ русскихъ консульствъ въ Стокгольмѣ и особенно въ Копенгагенѣ. Консулы, разсказываютъ эмигранты, такъ встрѣчаютъ насъ, что кажется для нихъ представляется нежелательнымъ пополненіе русской арміи свѣжими силами. Но мы идемъ тогда въ англійское консульство, тамъ встрѣчаютъ очень любезно, быстро наводятъ справки и охотно визируютъ паспорта. Разговоръ вертится около событій, происходящихъ въ Россіи. Прислушиваются къ разсказамъ объ анархіи съ нѣкоторымъ страхомъ и недовѣріемъ. „Россія не созрѣла для свободы"—каркаютъ пессимисты, но большинство вѣритъ въ Россію и надѣется, что все „образуется". „Ну, скоро сами все увидимъ". Все-таки разсказы и слухи, повидимому, нѣсколько охлаждаютъ то чувство радости, которымъ полна грудь „возвращающихся на родину" послѣ долгой, невольной разлуки.

Около границы появляются русскія газеты, на которыя мы набрасываемся съ жадностью. Газетами всѣхъ направленій потомъ наше купэ было совсѣмъ завалено.

Къ утру подъѣзжаемъ къ Гапоранда—небольшая дере-

венька на сѣверѣ Швеціи. Несмотря на конецъ мая (ст. с.) на деревьяхъ только еще распускающіеся листочки, и въ воздухѣ прохладно. Небольшой пароходикъ переправляетъ насъ черезъ заливъ въ Торнео на русскую границу. Здѣсь также только еще первое нѣжное дыханіе весны: нѣжная зелень на деревьяхъ, робко поютъ птички.

6.

На пристани красный флагъ и русскіе солдаты. Но начинается уже чувствоваться россійскій порядокъ; таможенный досмотръ продолжается 2-3 часа, пойти для подачи телеграммы разрѣшаютъ только съ солдатами, носильщики уже берутъ не по таксѣ, какъ было вездѣ, а „дерутъ по вдохновенію“, и поѣздъ отходитъ съ опозданіемъ противъ назначеннаго срока. Все-таки въ вагонахъ чисто и удобно, финки, хорошо говорящія по-русски, очень любезны, буфетъ въ ресторанъ-вагонѣ приличный и сравнительно недорогой.

Скоро знакомимся, однако, и съ изнанкой русской революціи. На одной изъ станціи, кажется, въ Улеаборгѣ, большая толпа солдатъ пытается ворваться въ поѣздъ, занимая площадки вагоновъ 1-го и 2-го класса, несмотря на противодѣйствіе, очень энергичное, начальника станціи, который кричитъ въ отчаяніи: „не надо, не надо“. При этомъ у начальника станціи силою вырываютъ ключъ, сбиваютъ его съ ногъ и неприлично ругаютъ. До слезъ дѣлается больно и обидно: неужели правы нѣмцы, утверждающіе, что русскій мужикъ—смѣсь грубости, дикости и невѣжества, или я за 5 лѣтъ отвыкъ отъ нравовъ Россіи, или это эксцессы революціи? Оказывается, что солдаты ѣдутъ на съѣздъ въ Выборгъ, но не хотятъ дожидаться нѣсколько часовъ пассажирскаго поѣзда. Въ концѣ концовъ инцидентъ улажи-

вается прицѣпкой къ курьерскому поѣзду нѣсколькихъ вагоновъ 3-го класса, куда солдаты и переходятъ.

Въ Петроградъ поѣздъ приходитъ съ опозданіемъ на полтора часа. Встрѣчаютъ родные и знакомые. Объятья поцѣлуи, радость. Но носильщикъ проситъ три рубля, а извощикъ 10—12. Что за вакханалія! Куда мы пріѣхали?— Городъ за пять лѣтъ отсутствія почти совсѣмъ не измѣнился и почти никакихъ слѣдовъ революціи! Два-три разрушенныхъ зданія, очень много красныхъ флаговъ, нѣсколько студентовъ, вмѣсто городовыхъ, вездѣ солдаты, кучи народа, собранія на улицѣ, масса извозчиковъ, автомобилей, на трамваяхъ со всѣхъ сторонъ висятъ люди, улицы плохо подметены, пыль и грязь.

Когда я на другой день попалъ на засѣданіе одного общества и выступилъ съ небольшимъ сообщеніемъ о Германіи, то замѣтилъ, что существуетъ громадный интересъ къ нашей сильной противницѣ и довольно неясныя и неопредѣленныя представленія о ея настоящемъ современномъ положеніи, отъ которыхъ зависитъ въ значительной степени отношеніе къ вопросамъ войны и мира. Со всѣхъ сторонъ и на этомъ собраніи и на многихъ другихъ, гдѣ мнѣ пришлось говорить „о Германіи во время войны“, повторялись вопросы: какъ живетъ Германія теперь, чѣмъ она сильна, какъ нѣмцы относятся теперь къ вопросамъ войны и мира, русской революціи и т. п.

7.

Какъ же живетъ сейчасъ Германія?

Трудно сказать, кто особенно виноватъ въ войнѣ. Она вспыхнула, такъ какъ накопилось очень много горючаго матеріала. Въ подготовкѣ же этого матеріала несомнѣнно

Германія виновата *болѣе* другихъ странъ. Она свыше 40 лѣтъ непрерывно готовилась къ войнѣ, опасаясь съ одной стороны реванша Франціи за отнятыя у нея провинціи, съ другой—предвидя неизбѣжность экономическаго столкновенія съ высоко индустріально-развитыми странами изъ-за господства на міровомъ рынкѣ и преобладанія на морѣ. Много разъ еще до войны мнѣ приходилось разговаривать съ нѣмцами, увѣренными въ неизбѣжности кроваваго столкновенія съ Франціей и Англіей и ихъ союзницей Россіей. Эта мысль совершенно опредѣленно высказывалась и въ литературѣ, гдѣ идеологами войны были особенно историки *Трейке и Бернгарди*. Послѣдній даже предсказывалъ, очень поучительно, роль въ этой „міровой" войнѣ, какъ онъ говорилъ, Россіи. Въ Россіи, по его мнѣнію, въ виду ея неподготовленности и неорганизованности, война неизбѣжно приведетъ къ сверженію монархическаго режима, къ революціи, революція же въ силу политической незрѣлости русскаго народа—къ внутренней анархіи, разложенію государства, что ослабитъ ея военную силу и сдѣлаетъ неопасной для Германіи. Война должна завершить идущее гигантскими шагами промышленное развитіе Германіи, обезпечить ея товаромъ господство на міровомъ рынкѣ, ея флоту—преобладаніе на морѣ, сдѣлать страну самой богатой, сильной и вліятельной. Поэтому, несмотря на миролюбіе „средняго" нѣмца, бюргера, идея войны, въ скорый и благополучный конецъ которой Германія вполнѣ вѣрила, была очень популярна. И неудивительно, что она была встрѣчена съ громаднымъ одушевленіемъ рѣшительно всѣми партіями, вплоть до соціалъ-демократовъ, провозгласившихъ „гражданскій" миръ и съ восторгомъ привѣтствовавшихъ слова императора, увѣрявшаго, что для него не существуетъ больше партій, а

есть только граждане, готовые положить свою жизнь за отечество и дѣйствительно сотнями тысячъ записывавшіеся въ ряды добровольцевъ. Не только учителя протестовали противъ освобожденія ихъ отъ воинской службы, но даже духовенство рѣшило принять наравнѣ со всѣми участіе въ войнѣ. Надъ страной было выкинуто знамя: „все для войны, все для побѣды." И подъ этимъ знаменемъ живетъ Германія и сейчасъ, какъ три года тому назадъ. Правда, воодушевленіе, охватившее Германію въ началѣ войны, совершенно исчезло, нѣмцы измучены и утомлены войной, но они еще вѣрятъ въ свою военную звѣзду и надѣются на побѣду, полагая, что окончаніе войны можетъ приблизить только ея обостреніе.

Поэтому интересъ къ войнѣ въ широкихъ слояхъ общества не уменьшается. Печать не знаетъ никакихъ почти другихъ темъ, кромѣ военныхъ, и газеты, какъ всегда, полны письмами солдатъ изъ окоповъ, восхваляющими ихъ подвиги, въ 4 часа во всѣхъ городахъ по улицамъ бѣгутъ мальчишки съ новыми бюллетенями генеральнаго штаба, оглашаютъ воздухъ неистовыми криками, и нѣмцы, забывъ о своей солидности, бѣгутъ навстрѣчу, чтобы поскорѣе узнать военныя новости. Такіе листы вывѣшиваются на улицахъ, въ лавкахъ, и передъ ними постоянно—кучи народа. Также нарасхватъ разбираютъ и вечернія газеты, посвященныя почти исключительно войнѣ.

Если вы подойдете къ книжному магазину, то увидите, что тамъ нѣтъ почти никакой другой литературы, кромѣ военной, связанной съ вопросами войны и появившейся въ громадномъ количествѣ. Возьмите книжку журнала не только техническаго, или общелитературнаго, но даже философскаго, психологическаго или педагогическаго, тамъ

большинство статей, такъ или иначе, связаны съ войной. Подойдите къ писчебумажному магазину, тамъ или военныя карты или открытки, почти всегда имѣющія отношеніе къ войнѣ: проводы на войну, жизнь въ окопахъ, безконечные портреты полководцевъ, особенно Гинденбурга, который вездѣ: на коробкахъ конфектъ, на сигарахъ, въ каждой лавкѣ и каждомъ домѣ. Зайдите на собраніе, войдите въ церковь, вездѣ одна и та же тема: война. Докладчики говорятъ о врагахъ, союзникахъ, техникѣ войны, подводныхъ лодкахъ, отдѣльныхъ эпизодахъ войны на сушѣ и на морѣ, условіяхъ мира и т. д., пасторы призываютъ къ терпѣнію, выдержкѣ, къ необходимости всѣмъ пожертвовать для войны, для побѣды. Столбы полны объявленіями, связанными опять-таки съ войною. Здѣсь приглашаютъ во имя любви къ родинѣ продавать государству золотыя вещи, объявляется о послѣднихъ срокахъ доставки въ сборные пункты всякой кухонной металлической посуды и т. д.

Пойдемъ мы по городу, увидимъ, что большинство лавокъ закрыто „въ виду призыва на военную службу“. Закрыты также за полнымъ отсутствіемъ товара почти всѣ мясныя, колбасныя, кондитерскія, конфектныя лавки. Остальныя почти пусты, да и купить въ нихъ рѣшительно ничего нельзя безъ карточекъ: ни чая, ни кофе, ни сахару, ни сахарину, ни молока, ни масла, ни хлѣба, ни мяса, ни колбасы ни муки, ни крупы, ни мармеладу, ни зелени, ни рыбы, ни мыла, ни керосину, ни спирту, ни топлива, а также платья или обуви. При этомъ порціи жизненныхъ припасовъ въ послѣднее время все уменьшаются и доведены уже до такого минимума, дальше котораго нельзя итти. Такъ, напримѣръ, зимой мы получали въ Лейпцигѣ (тоже самое съ небольшими измѣненіями „во всей Герма-

ніи) 250 граммъ, т. е. полфунта мяса съ костями на человѣка въ недѣлю, 50 гр., т. е. $^1/_{10}$ фунта—колбасы, 50 гр. масла, которое часто замѣняетси маргариномъ, съ Марта—3 фунта въ недѣлю чернаго хлѣба и т. д. Молоко, бѣлый хлѣбъ выдавались *только* для дѣтей и больныхъ. Такъ какъ въ нынѣшнемъ году былъ неурожай картофеля, то всю зиму, вмѣсто 5 ф. картофеля, выдавалось по 5 ф. брюквы въ недѣлю на человѣка, и брюква, т. о., составляла главное питаніе населенія. Въ теченіе послѣдняго года также организована выдача по карточкамъ топлива, одежды и обуви. При чемъ бѣлье, одежда и обувь выдаются въ очень ограниченномъ количествѣ и только въ томъ случаѣ, если будетъ доказана дѣйствительная необходимость покупки.

Несмотря на эту чрезвычайную бѣдность жизненными припасами населеніе въ Германіи жалуется гораздо менѣе на недостатокъ, чѣмъ у насъ. Это зависитъ отъ нѣсколькихъ причинъ. Прежде всего отъ чрезвычайной упорядоченности и организованности въ распредѣленіи продуктовъ и выдачи. Центральнымъ продовольственнымъ комитетомъ строго учитывается количество всѣхъ находящихся въ имперіи запасовъ: хлѣба, мяса (скота), масла, молока, яицъ, и т. д. и все это равномѣрно распредѣляется среди населенія. Также все получаемое изъ-за границы проходитъ обязательно черезъ руки этого комитета, не позволяющаго ни одному бюргеру лично для себя выписывать что-нибудь изъ нейтральныхъ странъ. Благодаря этому всѣ вполнѣ уравнены по отношенію къ голоду: и богатые и бѣдные. Далѣе, на всѣ продукты существуетъ такса, твердыя цѣны, за превышеніе которыхъ виновные строго наказываются. Наконецъ, выдача продуктовъ настолько урегулирована, что, хотя каждая хозяйка имѣетъ десятки карточекъ, ей

не приходится ждать такъ долго въ очереди, какъ у насъ. Каждый день въ газетахъ дѣлаются извѣщенія о томъ, когда, гдѣ и въ какое время извѣстные №№ карточекъ получаютъ жизненные припасы, благодаря чему не происходитъ задержки въ ихъ выдачѣ. Много заботятся также и центральные и мѣстные комитеты о наилучшемъ использованіи имѣющихся на лицо жизненныхъ припасовъ, объ ихъ экономизаціи.

Не пропадаетъ не только ни одна крошка хлѣба, но ни одна шелуха отъ картофеля, ни одно зернышко отъ вишни или сливы. Кухонные остатки собираются городами для кормежки скота (картофелемъ, отрубями, брюквой и т. д. кормить скотъ запрещено, т. к. все это идетъ въ пищу людямъ), а косточки для изготовленія изъ нихъ масла, въ которомъ громадный недостатокъ. Нѣкоторымъ подспорьемъ къ питанію являются многочисленныя, вновь изобрѣтенныя искусственныя питательныя вещества, насчитывающіяся сотнями. Существуютъ, напримѣръ, десятки различныхъ „яицъ въ порошкѣ“, не очень, конечно, питательныхъ и не замѣняющихъ отсутствующія совсѣмъ яйца, но нѣсколько помогающихъ хозяйкамъ готовить. Все-таки жизненныхъ припасовъ такъ мало, что населеніе несомнѣнно „недоѣдаетъ“, среди же дѣтей увеличивается смертность.

И несмотря на это, оно не ропщетъ или, вѣрнѣе, почти не ропщетъ, и все переноситъ терпѣливо, проникнутое одною мыслію, что „мы живемъ въ *великое* время, рѣшающее надолго судьбу нашего отечества“.

Съ самаго начала войны въ Германіи вездѣ запрещены танцы, какъ въ общественныхъ учрежденіяхъ, клубахъ, залахъ, такъ и частныхъ домахъ. И дѣйствительно нигдѣ не танцуютъ. Не такое, говорятъ нѣмцы, время, чтобы

предаваться веселью! Когда отечество въ опасности, нужно все дѣлать для его спасенія. Нашъ домъ горитъ, говорилъ на митингѣ одинъ изъ соціалъ-демократовъ, поэтому мы должны забыть о взаимныхъ раздорахъ партій и всѣ сплотиться для спасенія имущества. Потушимъ пожаръ, спасемъ наше добро, отстоимъ нашу экономическую независимость (соціалисты особенно боятся экономической войны „послѣ войны“, промышленной изоляціи Германіи, что можетъ разорить рабочій классъ) и тогда снова займемся нашими внутренними дѣлами, будемъ рѣшать вопросъ о томъ, капиталисты, имперіалисты, промышленники или юнкера виноваты въ войнѣ.

Такимъ образомъ, порядокъ, организованность, сплоченность, выдержка, неутомимость и беззавѣтная любовь къ родинѣ дѣлаютъ Германію сильной, способной противостоять коалиціи сильнѣйшихъ европейскихъ державъ. Особенно любовь къ родинѣ въ связи съ высоко развитой военной техникой безконечно усиливаютъ силу сопротивляемости Германіи. Нѣмцы не только не жалуются на голодъ („выдержимъ“), но отдаютъ государству всѣ свои деньги на веденіе войны (шесть внутреннихъ займовъ), несутъ ему свое золото, свои украшенія (золотыя вещи), отказываются отъ старинной, полученной отъ бабушекъ и прабабушекъ кухонной металлической посуды (мѣдной, никелевой и т.-п.), снимаютъ съ церквей колокола для переливки ихъ въ пушки, не протестуютъ противъ призыва на военно-гражданскую службу до 55 лѣтъ. Сами нѣмцы считаютъ источникомъ ихъ силы хорошую постановку народнаго образованія, снабжающаго населеніе большимъ запасомъ знаній и воспитывающаго въ немъ любовь къ родинѣ и желаніе приносить для нея жертвы. Этимъ объясняется между прочимъ боль-

мое усиленіе интереса, во время войны, къ школѣ, къ вопросамъ воспитанія.

О школѣ въ связи съ войною появилась громадная литература, растущая постоянно несмотря на большой недостатокъ бумаги. Основная мысль этой литературы—использованіе результатовъ войны для обновленія школы. Война показала, говорятъ, что сила націи въ обязательномъ для всѣхъ народномъ образованіи. Но въ то же время ясно, что 8-лѣтняя школа, выпускающая учениковъ въ жизнь 14 лѣтъ (съ 6 до 14-ти), недостаточна. Необходимо удлиненіе школьнаго обученія до 16 лѣтъ, т. о. обязательна 10 лѣтняя школа. Эта школа должна быть „единой", т. е. общей для всѣхъ сословій, классовъ, состояній ,которые одинаково любятъ свое отечество и беззавѣтно за него сражаются. Она должна воспитывать въ дѣтяхъ съ самаго начала сознаніе „національнаго единства" всѣмъ своимъ строемъ, своей организаціей. Особенно она обязана заботиться о высокоодаренныхъ, талантливыхъ способныхъ, къ какому-бы классу общества они ни принадлежали, такъ какъ въ нихъ *сила* государства.

8.

Въ этомъ отношеніи мы долго еще и многому можемъ и должны учиться у нашихъ враговъ-нѣмцевъ, какъ Петръ Великій учился у шведовъ, если хотимъ ихъ побѣдить и сохранить свою политическую и экономическую независимость. И прежде всего нѣмецкой организаціи и сплоченности.

Недостатокъ организаціи и неумѣнье жертвовать своими личными эгоистическими интересами, узкими интересами партій общему дѣлу больше всего поражаетъ меня по возвращеніи въ Россію послѣ пятилѣтняго отсутствія. Неорга-

низованность, безпорядочность—прямо-таки поразительны. Въ Россіи, какъ я теперь вижу, даже въ столицахъ, въ сто разъ больше жизненныхъ припасовъ и всѣ жалуются на недохватку, лавки ломятся отъ товара, а передъ ними стоятъ безконечные хвосты; въ Германіи, несмотря на то, что всѣхъ жизненныхъ припасовъ въ сто разъ меньше, а одежи, обуви, керосина, топлива почти совсѣмъ нѣтъ—на все существуютъ „твердыя" цѣны (такса) и все во много разъ дешевле, чѣмъ у насъ, хоть деньги обезцѣнены на международномъ рынкѣ не менѣе, если не болѣе, нашихъ, и такъ во всемъ.

Совершенно дореволюціонные порядки или вѣрнѣе безпорядки царятъ и во всѣхъ казенныхъ учрежденіяхъ, сохранившихъ въ новой кожѣ старое сердце! Это особенно поражаетъ по возвращеніи изъ Германіи, гдѣ во время войны больше, чѣмъ раньше, цѣнятъ время и трудъ. Не то у насъ. Въ учрежденіяхъ здѣсь все господствуетъ бюрократизмъ и халатность.

Такъ, напримѣръ, прихожу я въ бывшее градоначальство, чтобы обмѣнять заграничный паспортъ. Говорятъ:

— Уплатите за три года паспортный сборъ, тогда мы вамъ обмѣнимъ паспортъ.

— Позвольте, развѣ я долженъ платить, вѣдь я былъ въ плѣну?

—По здравому смыслу—нѣтъ, но по старому закону—да. Вы уплатите сейчасъ, потомъ подайте прошеніе въ департаментъ таможенныхъ сборовъ, васъ *навѣрно* освободятъ отъ уплаты—уже были такіе прецеденты, и мы вернемъ вамъ деньги обратно.

Развѣ это не бюрократизмъ самой чистой воды? Прихо-

жу въ департаментъ таможенныхъ сборовъ, провисѣвъ полчаса на подножкѣ трамвая.

— У насъ только до 2-хъ. Приходите завтра.

На завтра снова гимнастическія упражненія на трамваѣ, снова въ департаментъ.

— Подайте прошеніе, *навѣрно* освободятъ.

Получается такое впечатлѣніе, что люди все это продѣлываютъ только для того, чтобы видно было, что они занимаются дѣломъ. И дни уходятъ на то, что можно сдѣлать въ нѣсколько часовъ, даже минутъ, переговоривъ по телефону.

Еще менѣе порядка въ военномъ министерствѣ, которое, казалось бы, должно работать „на всѣхъ парахъ“ во время войны. „Пришелъ я въ Главный штабъ, чтобы выяснить свое отношеніе къ отбыванію воинской повинности. Толкотня, давка, не добьешься толку. Одинъ посылаетъ къ другому, тотъ къ третьему. Наконецъ, говорятъ:

Ступайте въ контръ-развѣдочное бюро, если вы вернулись изъ плѣна. Оно на Знаменкѣ.

Прихожу, снова провисѣвъ долгое время на подножкѣ трамвая съ опасностью для жизни.

— Эва-на, говоритъ швейцаръ, оно давно уже переѣхало въ другое мѣсто.

Ѣду туда.

— Это, собственно, не наше дѣло. Ну, все равно, если ужъ пришли. Подождите.

Оттуда, наконецъ, направляютъ къ воинскому начальнику на Фонтанку. Тамъ тоже долго не добьешься толку. Все-таки переходъ съ одного двора на другой, изъ одного отдѣла въ другое, до 2 запасного.

— Ратникъ 2 разряда? Это у насъ. Только теперь уже

2 часа. У насъ все кончено. Приходите завтра сюда снова. Покажетесь доктору.

Прихожу завтра. Ставятъ въ очередь въ совершенно грязной, заплеванной и, повидимому, недѣлю неметенной комнатѣ передъ пріемной врача. Стоимъ съ 11 до 2-хъ. Въ два часа говорятъ;

— Докторъ больше не принимаетъ, приходите завтра.

— Эхъ, порядки не нѣмецкіе!

Становлюсь въ очередь завтра. Вхожу въ пріемную.

— На что жалуетесь?

— Ни на что.

— Близорукъ?

— Да. Пишетъ на моемъ листкѣ: „гл." (глаза).—„Больше ничего". Приходите завтра. Васъ пошлютъ на комиссію". Прихожу снова. Ждемъ въ грязной насквозь комнатѣ, потомъ ведутъ на Садовую, „на комиссію". Почему не сразу—туда—Аллахъ вѣдаетъ! Ждемъ 2—3 часа. Наконецъ, доходитъ очередь.

— У васъ глаза? Близорукость.

— Да.

— Назначаетесь на испытаніе по глазамъ.

— Больше ничего? Ничего.

— Гдѣ?

— Вамъ скажутъ на Фонтанкѣ. Приходите завтра въ 2 часа.

Прихожу съ многими другими уже въ пятый разъ.

— Мы еще не успѣли распредѣлить по госпиталямъ. Завтра воскресенье. У насъ нѣтъ занятій. Приходите въ понедѣльникъ или лучше во вторникъ, тогда вамъ скажутъ здѣсь, въ какой госпиталь ходить „на испытаніе" по глазамъ".

Сравнивая эти порядки съ порядками нѣмецкаго военнаго министерства, съ которыми я познакомился, хлопоча объ обмѣнѣ, являясь туда также для медицинскаго освидѣтельствованія, я нахожу, что намъ многому слѣдовало-бы поучиться у нѣмцевъ. И прежде всего порядку, организованности, а затѣмъ сплоченности и любви къ отечеству. Вообще всему тому, чѣмъ сильна Германія. И если раньше въ устройствѣ нашей жизни намъ мѣшали чиновники и правительство, опекавшіе народъ, если раньше насъ заѣдалъ бюрократизмъ", то теперь наша судьба въ нашихъ собственныхъ рукахъ. Мы должны показать, къ чему мы сами способны, достойны-ли мы свободы, сумѣемъ-ли ее защитить, отстоять нашу политическую, соціальную, территоріальную и экономическую независимость. Послѣднее же возможно, если мы поучимся у нѣмцевъ — нашихъ теперешнихъ противниковъ — порядку, организованности, выдержкѣ, сплоченности и любви къ отечеству. Чтобы потомъ дѣйствительно и прочно съ ними помириться и на праздникѣ *побѣды* поднять за нашихъ учителей „заздравный кубокъ".

„Свобода и братство народовъ".

(Серія популярныхъ брошюръ подъ ред. **Л. С. Козловскаго и А. Ѳ. Саликовскаго**).

---

1. Война, революція и свобода народовъ.—**Л. С. Козловскій.**
2. Любовь къ родинѣ и братство народовъ.—**Ѳ. В. Радванскій.**
3. Что такое національность.—**А. Ѳ. Саликовскій.**
4. Миръ и самоопредѣленіе народовъ.—**Н. А. Кабановъ.**
5. Объединеніе національностей.—**Н. А. Кабановъ.**
6. Единое государство и союзъ государствъ.—**А. Ѳ. Саликовскій.**
7. Что такое областная автономія?—**А. Ѳ. Саликовскій.**
8. Національный вопросъ въ Россіи и Учредительное Собраніе—**Л. С. Козловскій.**
9. Сербія.—**В. И. Пичета.**
10. Бельгія.—**С. Магенгеймъ.**
11. Ирландія.—**К. Дунинъ-Маркевичъ.**
12. Сербо-болгарская распря.—**Н. Н. Новиковъ.**
13. Борьба народовъ въ Австріи.—**Н. Н. Новиковъ.**
14. Украина.—**С. А. Ефремовъ.**
15. Что отнято самодержавіемъ у украинскаго народа.—**В. И. Пичета.**
16. Дѣятели украинскаго освобожденія.—**А. Ѳ. Саликовскій.**
17. Польша.—**Л. С. Козловскій.**
18. Финляндія.—**К. Тіандеръ.**
19. Еврейское безправіе и его плоды.—**М. Анчарова.**
20. Кто и почему устраивалъ еврейскіе погромы?—**М. Анчарова.**
21. Литовцы.—**К. Марковскій.**
22. Латыши.—**А. Дауге.**

Серія народныхъ брошюръ на современныя политическія темы.

«СВОБОДНЫЙ НАРОДЪ».

(Подъ ред. Е. Н. Ефимова, М. А. Осоргина, Т. И. Полнера и Б. М. Сыроѣчковскаго).

* 1. Великіе дни. А. М. Шубертъ.
* 2. Какъ старое правительство довело Россію до революціи. К. В. Сивковъ.
* 3. Послѣдній изъ дома Романовыхъ. В. Е. Сыроѣчковскій.
* 4. Временное правительство. Б. Е. Сыроѣчковскій.
5. Борцы за свободу. М. А. Осоргинъ.
* 6. Учредительное собраніе. Е. Н. Ефимовъ.
* 7. Всеобщее избирательное право. Е. М. Побѣдина.
8. Равноправіе женщинъ. Е. Д. Кускова.
9. Выборъ народныхъ представителей. А. С. Буткевичъ.
* 10. О свободахъ въ свободныхъ странахъ. Н. А. Кабановъ.
* 11. Какъ защищалось самодержавіе. Б. Д. Федоровъ.
12. Республика или монархія. Т. И. Полнеръ.
* 13. Министры, отвѣтственные передъ страной. Н. П. Губскій.
* 14. Одна или двѣ палаты. Н. А. Кабановъ.
15. Единое государство и союзъ государствъ. А. Ѳ. Саликовскій.
16. Польша. И. С. Рябининъ.
17. Украйна. С. А. Ефимовъ.
* 18. Церковь въ новой Россіи. С. П. Мельгуновъ.
* 19. Свобода совѣсти. Н. Д. Шаховская.
20. Какъ надо преобразовать церковь. И. М. Громогласовъ.
* 21. Свобода, равенство, братство. Н. И. Тимковскій.
* 22. Свободный народъ. В. А. Розенбергъ.
23. Солдатъ и офицеръ. В. И. Лебедевъ.
24. Новая армія. В. И. Лебедевъ.
25. Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.
* 26. Какъ нужно преобразовать наши городскія думы. Е. А. Звягинцевъ.
27. Народное земство. Е. А. Звягинцевъ.
* 28. Мелкая земская единица или волостное земство. Е. А. Звягинцевъ.
29. Полиція и милиція. П. В. Всесвятскій.
30. Судъ и наказаніе. И. Н. Сахаровъ.
* 31. Темныя силы. (Распутинъ и др.). А. Михайловъ.
32. Романовъ въ исторіи. В. В. Филатовъ.
* 33. На чемъ держалась дружба русскихъ и нѣмецкихъ царей. В. Н. Перцевъ.
* 34. Пѣсни о свободѣ. И. Н. Розановъ.
* 35. Отчего загорѣлась великая европейская война. Н. П. Огановскій.
* 36. Война сто лѣтъ назадъ и теперь. К. В. Сивковъ.
* 37. Враги-ли евреи русскому народу. Н. П. Огановскій.
* 38. Будемъ трезвы. С. И. Бондаревъ.
* 39. Народъ—хозяинъ. А. Б. Петрищевъ.
* 40. Новый законъ о городскихъ выборахъ. Е. А. Звягинцевъ.
* 41. Паденіе царской власти. В. Короленко
* 42. Про нынѣшнюю войну и про вѣчный миръ. М. А. Осоргинъ.
* 43. Новый законъ о земельныхъ комитетахъ. Е. Н. Ефимовъ.
* 44. Какъ будутъ избираться волостные земскіе гласные. Е. А. Звягинцевъ.
* 45. Новый законъ о выборахъ уѣздныхъ земскихъ гласныхъ. Е. А. Звягинцевъ.
* 46. Красный адмиралъ. В. А. Розенбергъ.
* 47. Демократическая республика. Е. Н. Ефимовъ.

Земствамъ, кооперативамъ общественнымъ и партійнымъ организаціямъ при массовыхъ заказахъ для раздачи—скидка по соглашенію.

Кн-во „ЗАДРУГА", Москва, Мясницкій пер., д. 9; отдѣленіе въ Петроградѣ, Гончарная, 24.

БИБЛИОТЕКА ИМЭЛ при Ц.К. В.К.П.(б)

„БИБЛІОТЕКА ГРАЖДАНИНА“

Серія для интеллигенціи.

Подъ редакціей *Е. Н. Ефимова, М. А. Осоргина, Т. И. Полнера и Б. Е. Сыропѣтковскаго.*

Учредительное Собраніе. **С. Ф. Кечекьянъ.**

Временное правительство и его акты. **Е. Н. Ефимовъ.**

Правовое государство. **А. В. Горбуновъ.**

Одна или двѣ палаты. **Л. В. Успенскій.**

Выборность или назначеніе должностныхъ лицъ. **П. И. Алексѣевъ.**

Административный судъ. **П. И. Алексѣевъ.**

Политическій строй Соед. Штатовъ. **Ю. Н. Семеновъ.**

Политическій строй Франціи. **А. М. Гурвичъ.**

Политическій строй Швейцаріи.

Автономія и федерація. **С. Ф. Кечекьянъ.**

Какъ и за что умираютъ сербы. **В. Лебедевъ.**

Какъ живетъ Германія во время войны и чѣмъ она сильна? **Н. Румянцевъ.**